

Потапов Л.Н.

Осенний натюрморт

Памяти Дышленко Г.В.

На дорожке багряные листья.
Свет неяркий осеннего рая.
Под обильной росой серебристой
Догорает сентябрь, догорает.

У веранды, на скатерти синей,
Буйство красок палитры осенней,
И, хотя по ночам уже иней,
Днём – теплынь, благодать, лёгкость тени.

Яблок звень, синева винограда,
Листья клёна в узорном кувшине,
Тишь сентябрьского старого сада,
Стайка юрких синиц на рябине.

Над равниной ночами зарницы.
Постепенно поля замолкают.
По преданию, на зиму птицы
В райский сад каждый год улетают.

Примечания

Стихотворение «Осенний натюрморт», датированное 4 сентября 1996 г., печатается по рукописи из личного архива Л.Н. Потапова (хранитель Потапова Л.В., г. Орёл).

Публикация, подготовка текста и примечания Тюрина Г.А.

Пантелеева О.С.

А. Н. Устинских. Судьба краеведа и гражданина

Жизнь и творчество Александра Николаевича Устинских (1925–1999 гг.) – известного орловского краеведа, писателя, члена Союза журналистов России, редактора газеты «Единство», тесно связаны с Орловским краем.

Его личный фонд поступил в архив уже после его смерти, правда, в усечённом виде. Но об этом немного позже...

Родился Александр Николаевич в посёлке Вознесенск Алтайского края. Детство и юность его прошли в Сибири в Кемеровской области в рабочей семье. Был в Кемеровской области такой маленький городок Киселёвск, в котором люди жили в домах из земляных кирпичей. В этом городе весной 1940 г. пятнадцатилетним подростком Александр начал свою трудовую деятельность на железной дороге временным ремонтным рабочим. Когда началась война, он заменил своего старшего брата, уходящего на фронт: пошёл работать токарем на Киселёвский машиностроительный завод.

В одной из своих повестей «Где заряжали пушку», посвящённой 40-летию Победы в Великой Отечественной войне, А.Н. Устинских так описывает это тяжёлое время: «В нашей первой военной группе учеников человек двадцать пять. Самых разных по возрасту, росту и образованию. Были ещё неокрепшие и несформировавшиеся юнцы, были и здоровяки. Но всех почему-то сразу окрестили одним словом – «заржавленные». Видимо потому, что прежде никогда и никого раньше восемнадцатилетнего возраста до станка не допускали... Не было дня, чтобы кто-то не уходил в армию. В первые дни войны уходили целыми группами. Могучие. Чубатые. Они приходили в цех. Торжественно объявляли о получении повесток. Напоследок поочерёдно плясали прямо посреди пролёта цеха. Со всеми прощались. Больше мы их никогда не видели. Потом подбиралось всё, что оставалось. А оставалось всего ничего. Поэтому уже к середине июля все без исключения «заржавленные» стали к станкам на самостоятельную работу. Чему, правда, мы были безмерно рады».

Вскоре в маленький сибирский город стали приезжать эвакуированные. Прибыли со своими семьями рабочие Таллиннского завода «Красный Круль». Впоследствии Александр Николаевич вспоминал об этом периоде: «...молчаливые от природы и даже на первый взгляд угрюмые эстонцы быстро нашли общий язык с крутыми нравом сибиряками. Общее горе в самое короткое время сдружило всех. И было очень жаль, когда стало известно, что эстонцы на базе каких-то шахтных мастерских должны развернуть свой завод, а нашему заводу дадут другую продукцию. Какую, никто не знал. Но догадывались – военную».

На заводе всё изменилось. Ужесточился охранный режим, механический цех превратился в инструментальный, появилось новое оборудование. Это оборудование поступало с Московского завода имени Владимира Ильича (бывшего завода Михельсона). Рабочие сами разгружали станки и затаскивали их в цеха. Единственным транспортом была лошадь, а в цехе – ручная тачка.

Мастера и наладчики поточного производства прибыли вместе с заводом из Москвы, но основная масса рабочих состояла из совершенно не подготовленных людей, которых надо было научить работать не за недели, а за считанные дни или даже часы.

«Снаряды были нужны немедленно. И отгрузка первой партии изготовленных заводом реактивных снарядов была той заветной целью, к которой люди не просто шли, а карабкались из последних сил в страшных, невероятных, нечеловеческих усилиях. И хотя мы понимали, что на фронт попадут они не сию минуту, ликование по этому поводу было всеобщим и неподдельным.

И чего греха таить – горды мы были безмерно. Подумать только! Вчерашний заштатный сибирский заводичко стал творцом оружия. Да какого! Да кем?! Да в каких условиях?! Да в какие сроки! Горды мы были! Мы ощутили свою причастность и нужность в самой важной общественной значимости того периода – великой битве с фашизмом».

В ноябре 1941 г. Александра Николаевича как одного из лучших токарей перевели в группу специальных мерителей для реактивного оружия, где требовалась точность и высокий профессионализм. Пригодились уроки старого эстонца Виилупа, открывшего подростку тонкости токарного мастерства.

Александр Николаевичу доверили работу на новом станке, да ещё одному, без сменщика. «День всегда пролетал метеором. Его всегда не хватало. Что-то обязательно надо было успеть сделать к следующему утру. Приходилось стоять у станка ночь. Какие же они тяжкие, эти предутренние часы. И умывался-то я. И голову мочил водой. И снегом растирался. Мало что помогало. Работать сутками приходилось и раньше. Но то было другое. Работа, полная движения. Теперь же, уткнувшись в станок, до боли в глазах ловил сотки и микроны. Полировал до зеркального блеска малюсенькие детальки приборов. Безо всяких копир, от руки, резцом выводил под шаблон шаровые поверхности, замысловатые радиусы и галтели».

На заводе не хватало станков, оборудования. Тогда руководство завода принимает решение переоборудовать станок, на котором работал Александр, в более универсальный. Ценою огромных усилий, бессонных ночей станок был переоборудован и работал в таком виде до конца войны.

Работали круглые сутки, переоборудовали и другие станки, налаживали массовое производство реактивных снарядов, которое требовало высокой квалификации рабочих и большого количества токарно-винторезных станков. Александр Николаевич подробно описывает технологию производства, трудности, которые приходилось

преодолевать для того, «чтобы сегодняшний читатель понял наше тогдашнее положение в техническом отношении. И какой же поистине величайший подвиг надо было совершить нашему народу, чтобы разгромить до зубов вооружённого врага, на которого работала промышленность чуть ли не всей Европы».

И хотя после смерти Александра Николаевича на доме в Орле по улице 2-я Курская, была установлена мемориальная доска с надписью: «В этом доме с июля 1979 по июль 1999 гг. жил Александр Николаевич Устинских – рабочий, усовершенствовавший производство снарядов к миномётам «Катюша», в воспоминаниях он очень скромно пишет о своих заслугах, стараясь добрым словом вспомнить тех, кто работал с ним рядом. А о себе он рассказывает откровенно, с самоиронией. Вот, например, такой эпизод: «Иванов положил на моё худенькое плечико свою огромную ручищу и пророковал: «Ты, браток, часом блоху никогда не пытался подковырнуть?!» А я, оскорблённый этой блохой, с чисто чалдонской прямотой рубанул ему в ответ – знай, мол, наших: «С блохами не по тому адресу. Мы, сибиряки, регулярно в баньке моемся и бельишко меняем. А ежели кому от блох покоя нет, то пусть тоже в баню ходит, не ленится». Потом, откровенно насупившись, включил станок и занялся своим делом. Волохов смущённо улыбался. Даже он растерялся и видимо не знал, как направить в мирное русло столь неожиданное направление принявший разговор.

Иванов, трясая своим огромным телом, весело от души хохотал. Но откуда ему было знать, что тогда я не только не имел понятия о знаменитом Тульском Левше, но даже не подозревал и о существовании самого писателя Николая Семёновича Лескова».

Прошли годы... К 24 годам Александр Николаевич закончил с красным дипломом Омское речное училище и Ленинградский институт инженеров водного транспорта.

В 1960 г. переезжает с семьёй в Орёл, который полюбил как вторую родину. Он увлекается краеведением, знакомится более подробно с жизнью и творчеством не только Н.С. Лескова, но и других орловцев: писателей, художников, революционеров, участников социал-демократического движения.

В его личном фонде хранится удостоверение за подписью директора краеведческого музея Е. Кореновой, в котором говорится, что «Устинских Александр Николаевич является краеведом и работает по заданию Орловского областного краеведческого музея по сбору материалов из истории Орловского края и его земляков. Действительно по 30 декабря 1964 года». В 1968 г. в удостоверении

уже добавлено, что Устинских является внештатным научным сотрудником музея и собирает материалы по заданию музея. И это при том, что Александр Николаевич сразу после переезда в Орёл работал начальником цеха металлоконструкций на заводе «Дормаш», а с 1968 г. – заместителем генерального директора по производству объединения «Ливгидромаш».

Диапазон его краеведческих исследований был очень широк: П.Я. Пясецкий, А.П. Ермолов, С.М. Степняк-Кравчинский, братья Рогачёвы, П.Я. Мартьянов. Но самым большим увлечением, его многолетней, кропотливой работой было изучение жизни и загадочной гибели известного полярного исследователя В.А. Русанова.

О Русанове Александр Николаевич впервые услышал, когда летом 1947 г., учась в Омском речном училище, проходил практику на реке Иртыш. Он буквально «заболел» Русановым. Человек сильный, смелый, Александр Николаевич и людей любил таких, которые не боялись рисковать, совершая подвиги во имя науки, во имя своей страны.

За полвека, которые были посвящены полярному исследователю, он не только изучил огромное количество архивных документов в архивах и музеях России, в том числе и в Орловском архиве, написал десятки статей, издал буклет к 100-летию Русанова.

Сейчас даже не верится, но в конце 1960-х годов стоял вопрос о сносе дома Русановых. В личном фонде сохранилось обращение А.Н. Устинских к председателю Орловского облисполкома Свешникову И.П. и председателю областного отделения ВООПИиК Фёдорову С.И.: «Этот дом ценен для истории тем, что в его стенах сугубо сухопутная Орловская губерния вскормила выдающегося полярного исследователя.

Кажется просто необъяснимым, как могло случиться, что этот памятник... пришёл в такую ветхость, что о нём говорят, как об обычном строении, подлежащим из-за ветхости сносу. Уничтожить, снести этот памятник, видимо, будет равносильно действию, направленному на то, чтобы заставить людскую память забыть этот славный период в истории России.

Первичная организация ВООПИиК Орловского завода дорожных машин обращается к вам как ответственным лицам, возглавляющим организации, способные предотвратить этот впоследствии уже при любом сильном желании непоправимый шаг.

Дом Русановых надо не только сохранить, надо немедленно провести его капитальный ремонт, чтобы сохранить его на века. Более того, в 1975 г. исполняется 100 лет со дня рождения В.А. Русанова,

видимо, пришло время увидеть воплощённый в бронзу образ нашего выдающегося земляка...».

В 1977 г., во время своего очередного отпуска в составе 240 туристов А.Н. Устинских совершил по следам нашего славного земляка путешествие по Арктике на теплоходе «Татария».

В путевом очерке «"Татария" уходит в Арктику» Александр Николаевич подробно описал своё путешествие Северным морским путём. Когда проходили в районе посёлка Полярного недалеко от Североморска, Александр Николаевич принялся к всеобщему недоумению пассажиров фотографировать неприметную бухточку, скалистые берега. Для него это место было наиболее интересным на протяжении всего путешествия. «Отсюда 65 лет назад уходил в свою последнюю экспедицию Владимир Александрович Русанов. Тогда это было маленькое селение Александровск-на-Мурмане, но с прекрасной естественной бухтой, хорошо защищённой горами от свирепых северных ветров. И ещё раз невольно проникаемся глубочайшим уважением к дальновидности нашего выдающегося земляка.

В то время Александровск-на-Мурмане был самой северной портовой точкой России. И если он за тридевять земель отстоял от людных мест, то Русанову только это и нужно было, он сам готовил свою экспедицию, по своему плану и по своему желанию. И каждое постороннее вмешательство было для него явлением крайне нежелательным. Более того, путь от Александровска-на-Мурмане до Шпицбергена был в пределах 1300 километров. Тогда как путь, предложенный ему, ...был почти вчетверо длиннее».

Александр Николаевич активно занимался просвещением пассажиров «Татарии»: читал лекцию о жизни и деятельности В.А. Русанова, отвечал на многочисленные вопросы. А на острове Вайгач, на котором пришлось высадиться из-за сильного снегопада, произошла незабываемая встреча с Иваном Ильичом, сыном Ильи Вылко, неизменного проводника и друга Русанова.

После своего путешествия Александр Николаевич с удвоенной силой делал всё для увековечения памяти Русанова. Вместе с замечательным человеком и краеведом Ольгой Павловной Власовой они обивали пороги руководителей города и области, готовили материалы для будущего музея. Музей открылся в 1982 г. Жаль только, что на многочисленных торжествах, посвящённых юбилеям Русанова, имена А.Н. Устинских и О.П. Власовой, благодаря которым и открылся музей, никогда не упоминаются...

А.Н. Устинских начал публиковаться ещё в 1947 г. За свою не очень долгую жизнь он опубликовал в газетах и журналах более 400

статей, исторические повести «Басурманка», «Орловец с броненосца “Потёмкин”», длительное время работал над трилогией о сподвижнике Петра I А.Д. Меншикове: «Денщик царя», «Слуга Отечеству», «Властелин в изгнании». Вышедшая в свет первая книга трилогии получила высокую оценку жюри конкурса, проходившего в Санкт-Петербурге и посвящённого 300-летию Российского флота.

Александр Николаевич ещё при жизни подготовил богатейший материал для передачи на хранение в областной архив. Приглашал нас, архивистов, знакомил с подлинными документами. Казалось, что этому могучему человеку сносу нет. Но прошло несколько месяцев, и он попал в больницу, из которой уже не вышел. Пока лежал в больнице, загадочным образом из квартиры исчезли подлинные документы о жизни и деятельности Русанова (только небольшая их часть была передана в краеведческий музей). В документальной повести «Буду работать для России!» Александр Николаевич пишет о своём архиве: «Много лет спустя уже 67-летний Илья Константинович Вылко напишет об этом переходе сыну Владимира Русанова. А когда Александра Владимировича не станет, его дочь Лида Русанова – родная внучка знаменитого полярного исследователя, передаст эти письма вместе со всем семейным архивом Русановых автору этих строк... Тридцать лет проработает Илья Вылко председателем Островного Совета, преданно служа своему народу и Советской власти».

Бесследно исчезли из квартиры Александра Николаевича именные часы, подаренные ему министром водного транспорта, пишущая машинка, факс, рукопись 2-й части трилогии о Меншикове, огромный запас бумаги для издания газеты «Единство», книги из личной библиотеки. Ключи от квартиры умирающего А.Н. Устинских были только у близких ему людей.

Но и те материалы, что хранятся сейчас в архиве, несомненно, представляют историческую и художественную ценность.

Как и Русанов в начале XX в., Александр Николаевич страдал из-за «политической неблагонадёжности». В конце 1980–1990-х годов он возглавлял Орловское отделение ВКП(б), и за политической деятельностью многие «не замечали» его краеведческие открытия, его подлинно русскую душу, большой литературный талант.

Источники:

ГАОО. Ф. Р-4041. Оп. 1. Д. 10, 16, 45, 66.